

СЕРГЕЙ АКСАКОВ

**ОХОТНАЯ
СТРАСТЬ**

MOBY PUBLISHING

Сергей Тимофеевич Аксаков

Охотная страсть

Содержание

#1	0005
ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЫЕ РЫБЫ0008
РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ	0016

Сергей Аксаков
ОХОТНАЯ СТРАСТЬ

«Я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр.» — так писал об одной из своих книг Сергей Тимофеевич Аксаков...

О, эта охота!.. Ради нее рыцари забывали о своих домочадцах, которые оставались незащищенными в опустевших замках. Она всегда тревожила сердце истовых бродяг, путешественников, воинов. Это было одно из немногих занятий, которые признавались «вполне джентльменскими»...

«Поэзия охоты в „Рассказах...“ Аксакова неразрывна с поэзией природы. Эстетическое наслаждение от наблюдения за природным миром — одна из существеннейших потребностей аксаковского охотника. Для него не так важно и обязательно нажать на курок, убить зверя, птицу, главное — ощутить себя в неразрывной связи с матерью природой, вступить в честное соревнование» — пишет об охотничьих рассказах певца охоты Сергей Фатеев.

И Аксаков подтверждает это сам: «Оставляя в стороне охоту, я не могу, однако, вспоминать без живого удовольствия, как хороши были эти ночевки в поле, после жаркого дня, в прохладном ночном воздухе, наполненном ароматами горных, степных трав при звучном бое перепелов, криках коростелей и посвистываниях тушканчиков и сурков».

«Приходилось ли Вам ранним еще темным зимним утром видеть охотника, спешащего к электричке, за город? Ни ветер, ни снег, ни мороз не заставят его сидеть дома. От темна до темна будет бродить он день, преодолевая десятки километров по заснеженным полям, по бугристой пахоте. И как всегда неожиданно будет вскакивать с лежки растрепанный заяц, заставляя страшно биться сердце охотника, и нередко заряд дроби пролетит мимо; а рыжая лиса потихоньку поднимется вне верного выстрела и станет стремительно уходить куда-нибудь в сторону, уходить, уходить... А то, вдруг, затрещат кусты и огромный лось пойдет на-

пролом, испугав и обрадовав остолбеневшего охотника... Как быстро и неумолимо пролетит день среди веселого искрящегося снега, задумчивых и дремлющих стогов, посвистывающих снегирей и стрекочущих сорок. А как хорошо с верным другом сделать короткий привал, подогреть на костерке немудреную снедь и вскипятить душистый чай...»

С. Фатеев.

Ну а теперь от предисловия — в чарующий омут аксаковских сказов!

ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ РЫБЫ

*Охоту тешить — не беду платить.
Охота пуще неволи.
(Русские пословицы)*

Уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что охота пуще неволи. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презреньем нападают, как на тихое, невинное уженье. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой — забавою стариков и детей; третий — занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками — там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу — признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договарива-

ет, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастью, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не жилали в деревне, никогда не слыживали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники — только до других видов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тетеревами за зверьми, с неводами, сетью и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собой[1].

Чувство природы врожденно нам от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь — все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно рав-

нодушен к так называемым красотам природы, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой лунной ночи; но это еще не любовь к природе: это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство: зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всею жизнью творения: для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинку, и то ненадолго; смотря на них, они уже думают о своих пошлых делишках и

спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовонием загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но бог с ними! Деревня, не подмосковная, — далекая деревня, в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неутомной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа всту-

пит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесение полднего зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья, приискивание удобных мест, для че-

го иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые не имея настоящей охоты к ужению, а просто не зная, куда им деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато ужение, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто ужение забава детская и стариковская — также не основательно: никто в старости не делается настоящим охотником-рыболовом, если не был им смолоду. Конечно, дети почти всегда начинают с ужения, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном ужении подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в этом некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ ужения пред другими охотами. Остается защитить охотников до ужения в том, что будто оно составляет за-

нятие для слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были также глупы. Против нелепости этого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками удить рыбку. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел

государственных, посвящал удочке в своем
прелестном Нельи.

...Моя книжка ни больше ни меньше как
простые записки страстного охотника...

1847 год

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ

Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», — говорят, желая оправдать или объяснить, почему так неблагоприятно или так странно поступает такой-то человек, в таком-то случае... — и объяснение всем понятно, всем удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспоминанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей и что, напротив, дети людей ученых, деловых *ex professo*, никогда не

слыхавшие разговоров об охоте, — делаются с самых детских лет страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врожденная склонность, бессознательное увлечение. Такая мысль всего убедительнее подтверждается, по моему мнению, наблюдениями над деревенскими мальчишками. Сколько раз случилось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лукнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчиков непременно выйдут охотники до какой-нибудь охоты. Один, заслышав охотничий рог или лай гончих, вздрагивает, изменяется в лице, весь превращается в слух, тогда как другие остаются равнодушны, — это будущий псовый охотник. Один, услышав близкий ружейный выстрел, бросается на него, как горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своих товарищей, — это будущий

стрелок. Один кладет приваду из мякины, ставит волосяные силья или настораживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за углом, босой, в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода, это будущий птицелов и зверолов. Других мальчиков не заставишь и за пряники это делать. Чем объяснить такие противоположные явления, как не врожденным влечением к охоте? — Обратив внимание на зрелый возраст, мы увидим то же. Положим, что между людьми, живущими в праздности и довольстве, ребячьей фантазии и склонности, часто порождаемые желанием подражать большим людям, могут впоследствии развиться, могут обратиться в страсть к охоте в года зрелого возраста; но мы найдем между крестьянами и, всего чаще, между небогатыми, которым некогда фантазировать, некому подражать, страстных, безумных охотников: я знавал их много на своем веку. Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого

ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или голавля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдненным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая. Некоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно к одной охоте, любят, однако, хотя и не так горячо, и прочие роды охот. Другие охотники, переходя с детских лет постепенно от одной охоты к другой, предпочитают всегда последнюю всем предыдущим; но совершенно оставляя прежние охоты, они сохраняют теплое и благодарное воспоминание о них, в свое время доставивших им много наслаждений. Есть, напротив, третий разряд

охотников исключительных: они с детства до конца дней, постоянно и страстно, любят какую-нибудь одну охоту и не только равнодушны к другим, но даже питают к ним отвращение и какую-то ненависть. Наконец, есть охотники четвертого разбора; охотники до всех охот без исключения, готовые заниматься всеми ими вдруг, в один и тот же день и час. Такие охотники в настоящем, строгом смысле слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дела они не бывают. По большей части они делаются добрыми товарищами других охотников...

Примечания

О, а как не понимают друг друга Странники
разных родов!.. — *ред.*

[^^^]